

Как перекрывали "Ангару"

Тридцать пять лет назад иркутский литературный альманах "Ангара" (под редакцией Юрия Самсонова) первым в стране опубликовал "Сказку о Тройке" братьев Стругацких.

"Сказка о Тройке" - одно из самых замечательных произведений современной сатирической фантастики. Написанное во времена застоя, когда в литературе господствовала партийная цензура, это произведение высмеивало идеологическое ханжество и чиновничье лицемерие.

Долгое время "Сказка" не могла увидеть свет, и первыми, кто решился ее опубликовать, были иркутские литераторы, выпускавшие альманах "Ангара", который известен сегодня под названием "Сибирь".

Это был мужественный шаг редактора альманаха -- писателя Юрия Самсонова и его коллег, который не остался без последствий со стороны партийных руководителей того времени. На заседании бюро областного комитета КПСС "Сказка о Тройке" была признана идейно порочным и аполитичным произведением. Номера "Ангары" с повестью были изъяты из массового библиотечного пользования и переведены в спецхран, а редактор альманаха освобожден от должности.

Юрий Самсонов, человек сильный и ироничный, отнесся к этим событиям как к продолжению повести братьев Стругацких. Спустя почти двадцать лет, в первые годы перестройки, он дал интервью, в котором назвал все происшедшее с ним и его коллегами "иркутской главой "Сказки о Тройке". Беседа журналиста Юрия Багаева с редактором "Ангары" была опубликована в альманахе "Голос", выпущенном Восточно-Сибирским книжным издательством, и вошла в электронную хрестоматию школьной классики, составленную писателем Василием Аксеновым.

Сегодня мы публикуем это интервью. Публикуем в память о значительном событии в литературной жизни Иркутска шестидесятых годов. В память о замечательном писателе и редакторе Юрии Самсонове.

Мы уверены, что нашим читателям будет интересно узнать, с каким трудом умное и честное писательское слово находило дорогу к тем, кто ждал и ценил его. Как перекрывали "Ангару" и не сумели этого сделать.

- Юрий Степанович, известно, что стать редактором альманаха "Ангара" вам предложили ле том 1967 года. Чем харак теризовалась тогда ли т е р а т у р н а я с и т у а ц и я в И р к у т с к е, как скла д ы в а л а с ь ва ш а л и ч н а я с у д ь б а?

- В 1953 году после окончания Иркутского пединститута я поступил на работу в "Восточно-Сибирскую правду". Спустя три года уехал в Братск в качестве корреспондента ТАСС на строительство знаменитой ГЭС, в 1962 году вернулся в Иркутск автором детской сказочной повести, напечатанной в журнале "Пионер", и вошел в группу молодых литераторов, которую называли "Иркутской стенкой". Ближе прочих мне был Дмитрий Сергеев - старший из нас, фронтовик и геолог, автор двух книг, реалист и фантаст, технарь и философ.

Подружился я с Геннадием Машкиным, еще пока не автором повести "Синее море, белый пароход", но уже написавшим несколько замечательных рассказов, в том числе "Арку". Был в этой компании и Александр Вампилов, всех поразивший своей первой пьесой, и Вячеслав Шугаев, и вернувшийся вскоре из Красноярска Валентин Распутин. Сходились мы ежедневно, бурно обменивались мнениями и идеями. Какого свойства было наше инакомыслие - не загадка: Дмитрий Сергеев стал постоянным автором "Нового мира". Геннадий Машкин - "Юности", "стенка" состояла в личной дружбе кто с Твардовским, кто с Тендряковым, кто с Евтушенко.

Тайком привезли и перепечатали "Раковый корпус" А.И.Солженицына. Стоном стонали от нас бдительные люди в окружающей среде, только деваться было некуда: после Читинского семинара 1965 года все мы стали членами Союза писателей. По традиции главным редактором был ответсекретарь писательской организации. Альманах когда-то назывался "Новая Сибирь" и выходил эпизодически - иногда один раз в год, затем, переименованный в "Ангару", стал выходить четырежды, затем, слитый с альманахом "Забайкалье", перешел на шестиразовый выпуск, ответсекретарю невозможно стало управляться еще и с этой работой.

Назначение мое состоялось на заседании бюро писательской организации. Радости это не вызвало ни у руководящих идеологов, ни у родимых консерваторов в писательской организации, ни тем более у директора издательства Леонида Кирсановича Чуркина. Их можно понять: если человек не вскакивает на ноги при звуке имени вождя, а продолжает себе сидеть, дурно влияя на окружающих, зато встает и уходит, хлопнув дверью, когда в зале предлагают Даниэля и Синявского расстрелять, если этот человек публично выспрашивает у секретаря обкома, верно ли, что введены новые цензурные строгости, или чище - наказан ли секретарь Горьковского обкома за хунвейбиновскую угрозу повести нижегородцев в Москву для расправы с "Новым миром", то он, ясное дело, требует особого и пристального внимания.

Говорю это не к тому, какой я храбрый, примерно так вели себя мы все, таков был дух "стенки" - и, с точки зрения начальства, ни один из нас в главные редакторы не годился. Но других-то - беспартийных - и назначить бы не смогли, а я состоял в партии уже с 1953 года.

- Юрий Степанович, но разве член партии не был обязан в те годы строго следовать официальному курсу? Как вам удавалось отстаивать свою позицию, где брали силы?

- Что ж, Александр Твардовский был не только членом партии, он был членом ЦК. Чья позиция более правомерно партийна - редактора "Нового мира" или тогдашнего Политбюро?

Таких, кто не соглашался подменять служение услужением, было в стране предостаточно. Если прежде им оттапывали головы, то после оттепели либерально связывали руки и мягонько, неторопливо удушали, перевоспитывая в духе двоемыслия.

Имелся, как говорят автомобилисты, люфт - пространство свободы внутри самих идеологических требований. Дело в том, что требования эти не могли быть сформулированы вполне определенно, напрямик. Кто ж мог сказать соцреалистам: врете? Нет, им было сказано: пишите правду. Ты имел моральное право считать именно эти слова официальным партийным требованием - и следовать ему на практике, что означало, в лучшем случае, твою политическую наивность, а в худшем - политическую незрелость: ведь зрелому-то не требовалось разжевывать, что писать правду на деле означает врать.

Но пока идеологические "ковбои" гонялись за тобой со своим лассо, ты мог сопротивляться, уклоняться, ускользать и успеть даже совершить серьезные проступки, зная, что расплата неминуема, тем более что ты и не Твардовский.

Я имею в виду главным образом то, что мне удалось пробить несколько талантливых произведений, выдержав при этом борьбу и с чиновниками идеологических партийных ведомств, и с издательскими перестраховщиками, и, естественно, с цензурой. В то время мне стала особенно близка мрачная шутка литераторов, что написать хорошую вещь значительно легче, чем ее потом напечатать.

- Да, шутка известная и, к сожалению, не утратившая своей актуальности в наши дни. А за какое произведение вы впервые вступили в борьбу?

- За повесть Распутина "Деньги для Марии". Она шла в четвертом номере 1967 года, который составил предыдущий главный редактор - Марк Сергеев. Я пришел в издательство, чтобы заняться своим - пятым номером, а мне говорят: ищи замену. Уже можно не спрашивать, цензуре никто не указ - сама кому хочешь укажет, может не вдаваться в объяснения: обжалованию не подлежит, сопротивление бесполезно.

Что ж, говорю, посмотрим...

Нечего, отвечают, смотреть: ты ищи. Надо четыре печатных листа.

Я забрал корректуру, унес, прочитал повесть залпом и влюбился в нее без памяти: там видно, до чего Распутин боится сфальшивить хоть словечком, хоть запятой, и это читателю передается - не за одну Марию маешься, не за Кузьму, а и за Валентина: вдруг все же сорвется? Нет, все тонко, точно, чисто, как птица пропела... И это - снимать?!

Перезвонились с Марком Сергеевым - он был ответсекретарем, с Анатолием Шастиным - секретарем партбюро, договорились пойти в обком. Я снова перечитал повесть, сперва всю, потом еще раз - кусками, к утру знал ее почти наизусть.

В восемь утра мы уже были в кабинете у секретаря по идеологии Евстафия Никитича Антипина. Я сказал, что запрет такой повести равен убийству и что повесть Распутина сделает знаменитым, а Евстафий Никитич, как

помню, ответил: "Откуда вы это знаете?" Нажимали мы дружно, а кончилось странно: Антипин разъяснил, что мы пришли не по адресу, что нам надо разбираться по этому делу с начальником обллита Николаем Григорьевичем Козыдло.

Правда, когда мы пришли к Козыдло, прихватив по дороге еще директора издательства Л.К. Чуркина, Николай Григорьевич как раз беседовал по телефону с Антипиным - тот ему позвонил насчет распутинской повести. О чем говорили, нам не доложили.

Само слово "цензура" было для нашей "стенки" что красная тряпка для быка. Завидев живого цензора, я на него сразу же и накинулся. Гляжу, а тореадор-то миролюбив, даже не сопротивляется. Говорит: я ничего не запрещал, ничего не снимал, я только хотел посоветоваться.

Вот какой реприманд! Кто же кому тут голову морочит? Смотрим на директора издательства - тот молча перелистывает корректуру. Молчание же - знак согласия. (Или признак лояльности.)

После я увидел, что издательские работники умеют валить на цензуру то, чего она еще в глаза не видела, авансом, и что Козыдло - человек порядочный, дружелюбный, терпимый, даже уступчивый, разумеется, в пределах полномочий. Работу свою знал, делал ее предельно добросовестно, но готов был и рискнуть - и я этим бессовестно пользовался, причем неоднократно...

Что же, хотят посоветоваться - мы изложили советы. Но коли эпизод возник, он не мог окончиться ничем. Свой вклад внес Л.К. Чуркин: давайте, говорит, переместим повесть в середину номера, чтобы он все же не ею открывался.

Это принципиального значения не имело, и корректура уехала в типографию.

В пятый номер я поставил, помнится, военную повесть Дмитрия Сергеева "Полевая жена", которую, конечно же, нельзя было печатать, поскольку славные воины Советской Армии никогда и слыхом не слыхали ни о каких таких походных полевых женах (ППЖ), и песен не пели о них, и не мог наш советский офицер вести себя как герой повести Зуев. Принцип соцреализма: этого не может быть, потому что не должно быть.

Но после стычки из-за Распутина повесть прошла с неожиданной легкостью, и этот номер, кстати, был единственным, за составление которого мне, согласно уговору, заплатили. Остальные я делал на общественных началах.

- На что же вы жили?

- На мелкие займы и на случайные заработки, вроде внутренних издательских рецензий. Мы - военное поколение: желудок зауженный, потребности минимальные, притязаний никаких. Давить на нас поэтому трудно, а ежели мы уверены, что делаем святое дело, то давить и вовсе бесполезно.

Я не знал еще ни работы, ни всех ее трудностей, кроме политических. Точно знал только то, как буду себя вести и чего добиваться, делая альманах. Исходил из интуитивного убеждения, что результат зависит от высоты прицела. Хочешь шедевров - и явятся шедевры, настроишься на средний уровень - получишь, согласишься на мусор - достигнешь... Правило точное, проверенное на многих примерах. Будто включается какой-то электромагнит, подобное притягивается подобным, сила притяжения возрастает вслед за возрастанием той массы, которую уже притянуло, на тебя начинает работать репутация твоего издания - поле притяжения расширяется, шлют рукописи, едут авторы, о которых слыхом не слыхал, все шире выбор, можешь приподнимать прицел.

За литературными журналами начинал следить все ревнивее, прикидывая, кого мы обошли, кого еще предстояло догнать и перегнать. Например, тогдашний "Наш современник" явно в подметки не годился нашему альманаху "Ангара", и я торжествовал... А впереди себя числил помимо "Нового мира" еще "Москву" и "Звезду", которую очень профессионально - не мне чета - делал Георгий Холопов.

Было у кого, было чему поучиться, было чем увлечься: каждый следующий номер как бы вырастал из предыдущего и давал начало очередному, я мысленно перебирал по листочку будущий годовой комплект, угадывая наилучшие сочетания, - короче, меня засосало.

- А что же работники издательства? Неужели среди них не нашлось помощников и единомышленников?

- Отнюдь. Альманах имеет редколлегию на общественных началах, а практически его делают двое - главный редактор и еще редактор, выделенный издательством. На эту роль выдвинули Людмилу Афанасьевну

Васильеву.

Выигрыш оказался грандиозным. Я мог не заботиться о соблюдении многосложной издательской технологии, даже в это не вникать - Людмила Афанасьевна сделает все и сделает в срок. Я не заботился о качестве редактирования: оно обеспечено. Я оставлял на ее усмотрение все более ответственные решения - ни разу не промахнулась. Требовательность ее доходила до того, что она отказывалась ставить в номер статью собственного мужа - критика и литературоведа, имея претензии к качеству текста, и тот шел ко мне жаловаться.

Но всего важнее, что на нее не надо было оглядываться в любой драке: свой кусок фронта она удержит, не ослабнет, не предаст. Хотя обстоятельства складывались так, что мне приходилось ставить ее иногда попросту в бесчеловечные условия, да еще не объясняя, почему это делаю, для чего, каков будет следующий маневр.

- Вам не кажется, что в нашей беседе слишком много военной терминологии? Ведь говорим-то мы о литературе...

- Что поделаешь, по мере того, как сгущалась общественная атмосфера, работа главного редактора стала сводиться не к редактированию в нормальном смысле слова, а к пробиванию. За все, что мы умудрялись напечатать, шла война, с разведкой, обороной, наступлением, отступлением, заходом в тыл, во фланг, с психическими атаками и черт-те чем еще.

Поначалу боевые действия были самые примитивные - самодеятельность... Приезжает ко мне Машкин уговаривать, чтобы поменял местами пьесу Вампилова и повесть Гусенкова, запланированные на первый и второй номера 1968 года... Саня-то потерпит, а у Володи вовсе худые дела, пропустить бы его вперед... Но оба номера уже сложились, что пасхальные яички, их ломать - что дом ломать. Я не соглашаюсь.

И вдруг соображаю: промашка!

Обсуждение повести Гусенкова "Семь дней без романтики" только что прошло в издательстве. Повесть прекрасная, в духе тогдашней молодежной прозы - Кузнецова, Аксенова, Гладилина, - только она была как бы итоговым произведением всей этой струи, содержала не явную, внутреннюю на нее пародию.

Демобилизованный солдат появляется на великой сибирской стройке. Он жаждет перемен, рвется в бой с недостатками. Заметил, что из брошенных опалубочных щитов и досок торчат ржавые гвозди, предлагает положить конец безобразию: гвозди выдрать. Товарищи пытаются ему растолковать, как мало в этом проку, но куда там!..

Издательское руководство юмора не заметило, сочло повесть очернительством нашей действительности, а Гусенкова чуть не диссидентом. "Стенка" билась за повесть дружно, билась жестоко, и хотя издатели на вид остались при своем, не могло же это обсуждение их не пошатнуть! Если промедлить, неуверенность у них пройдет, позиция схватится, как бетон, - ломай заново!

Самое время ставить повесть в номер - прямо сейчас: ошалеют, растеряются от такой наглости! А затем это, между прочим, поможет и выходу книги: апробировано. Саня, конечно, обидится. Но он и вправду может лишних два месяца потерпеть...

Обиделся Саня, еще пуще обиделся Л.К. Чуркин, однако прошло как по-писаному...

Без подобного рода ухищрений не обходился ни один номер. Все приходилось пробивать и проталкивать, так что со временем я в этом искусстве весьма поднаторел. В то же время я прекрасно понимал, что мое противостояние не может продолжаться бесконечно, рано или поздно меня снимут. В обществе не было механизма, на который я мог бы опереться, чтобы продлить дни вольницы альманаха, серьезной помощи в критической ситуации мне ждать было неоткуда. Ну да и тем лучше: я рассчитывал только на свои силы и был готов ко всему. Тем более что терять мне было нечего - зарплату-то мне не платили.

Приближалась подписка на 1969 год. Репутация альманаха уже кое-что весила для писателя, но мало значила для читателя, чем-то надо было его взять. Мы имели "Стальную птицу" Василия Аксенова, я обратился к Елене Сергеевне Булгаковой за разрешением на перепечатку "Дьяволиады" и "Роковых яиц", она ответила, что надо ждать возвращения изграничной командировки Константина Симонова - председателя комиссии по творческому наследию Михаила Булгакова.

- Публикация этих вещей, безусловно, привлекла бы внимание читателей к альманаху. Однако они так и не появились, но зато увидела свет "Сказка о Тройке". Как это произошло?

- "Сказку о Тройке" братьев Стругацких и груды других фантастических рассказов разных авторов по моей просьбе выслала Ариадна Громова из Москвы.

Рассказы были относительно безобидны. Зато "Сказка"!..

"Сказка о Тройке" - продолжение повести "Понедельник начинается в субботу". На тринадцатый этаж все того же здания научно-исследовательского института чародейства и волшебства (НИИЧАВО) направилась комиссия во главе с товарищем Вунюковым, узурпировала там власть и, пользуясь Круглой Печатью, творит расправу над разного рода необъяснимыми явлениями. Впрочем, нет смысла пересказывать содержание повести...

Я позвонил Ариадне Громовой:

- Слушай, может, убрать откровенное хулиганство - хоть этот эпизод с пионерами, которые пришли приветствовать Вунюкова?

- Не смей ничего убирать. Лучше уж не печатай.

Поразмыслив, я решил, что она права: что могли изменить поправки?

В это время в Иркутск прилетел заместитель редактора журнала "Байкал", мой друг Владимир Бараев, и рассказал, что в Улан-Удэ работает комиссия из двадцати трех человек, разбирается с опубликованием повести "Улитка на склоне" все тех же Стругацких - путь их пролегал по редакторским трупам.

- А я ставлю в номер "Сказку о Тройке".

- Поздравляю: к тебе тоже приедет комиссия. Держи мою объяснительную - авось пригодится.

Не пригодилась...

- Тем не менее история с "Байкалом" служила лишним подтверждением, что со "Сказкой" придется немало повозиться, не так ли? Какие на сей раз вы предприняли шаги, чтобы облегчить ее публикацию, что удалось придумать?

- Ровным счетом ничего. Я ограничился тем, что отправил в отпуск редактора Л.А. Васильеву, отчасти потому, что она действительно изрядно со мной подустала, а в основном потому, что не хотел ее подставлять под удар.

Номер я подписал сам, но никаких военных действий не вел: ни с кем не консультировался, не запасался рецензиями, не оказывал никакого давления.

По-видимому, это усыпило бдительность руководства издательства и облита, в общем-то привыкшего к тому, что в критических ситуациях главный редактор альманаха, наоборот, проявляет активность. А может быть, те, кто стоял на страже, просто ничего не поняли.

Повесть прошла без сучка и задоринки. В один альманах она не уместилась, и окончание пришлось перенести на следующий номер. Между двумя выпусками был перерыв примерно в два месяца, и я с опасением ждал, что начало повести дойдет до более высокого начальства, последует запрет и окончание повести не увидит свет. Но этого не произошло.

А время шло, я работал над составлением последующих номеров альманаха, все было спокойно и тихо, но ощущение занесенного топора не проходило, хотя и запряталось в самую глубину.

И только в феврале ночью раздался звонок из Москвы:

- Ваш Антипин получил за тебя в ЦК взбучку, едет в ярости, готовься.

Взбучка, говорят, была получена от секретаря ЦК Демичева. Вопрос предложили рассмотреть на бюро обкома.

Скоро Антипин нас вызвал. Особенно долго почему-то выяснял, откуда известно, что повесть относится к

жанру фантастики. Никак его не устраивало, что я и сам фантаст, могу, поди, судить. Нет, это должно быть обозначено в подзаголовке - тогда будет фантастика. А без обозначения - ни в коем случае.

У кого-то в разговоре мелькнуло слово "позиция". Антипин налился кровушкой и почти пропел своим хорошо поставленным баритоном:

- У нас может быть только одна позиция - классовая!

"Интересно, какого класса?" - подумал я, разглядывая выхоленного аппаратного работника.

По моему мнению, умный был человек, но до того заботился, чтобы окружение простило ему немодную там интеллигентность, что сам про нее забывал. А окружение помнило и не прощало, не позволяло прыгнуть выше кресла третьего секретаря, хотя ни в какое сравнение с ним не шло.

Нам сказали, что особых дебатов разводить на бюро не будут. Сообщение - оценка - решение, все за 10-15 минут. Познакомили с подготовленными материалами, в общем, приемлемыми. У меня за спиной было достигнуто джентльменское соглашение насчет того, чтобы я - и тоже в приемлемой для себя форме - признал допущенную ошибку, после чего дело ограничится строгим выговором с занесением... и я остаюсь в должности. Это было важно, поскольку я понимал, что если уйду, альманах станет другим, а вместе с этим изменится интеллектуальная, духовная жизнь Иркутска, на которую "Ангара" стала оказывать все возрастающее влияние. Бросать дело не хотелось, особенно в тот момент, когда у альманаха появилась хорошая репутация, он стал популярен и при умелой организации дела мог в самое ближайшее время превратиться в журнал. Первым шагом к этому было нажитое за последний год право включения альманаха во всесоюзный каталог подписки, благодаря чему "Ангара" стала известна всей стране.

Словом, что-то там признать, пообещать быть наперед благоразумнее, найти этакую извилистую формулу для меня не составило бы труда: мало ли я за эти два года наловчил?

- И тем не менее все обернулось иначе. Что же произошло?

- Мы познакомились с материалами для обсуждения на бюро за день перед заседанием. Но за это короткое время что-то произошло, о чем трудно судить, поскольку я не искушен в партийной работе, особенно в тех ее формах, которые были распространены в то время. Во всяком случае, в сообщении по нашему вопросу звучали совсем не те характеристики, которые содержались в материалах для бюро. Они носили не только демагогический и ортодоксальный характер, но были оскорблением чести и достоинства авторов повести, моих собратьев по творческому цеху. Этого я уже решительно принять не мог, поскольку не хотел позора на свою голову, но те, кто сидел за длинным столом, еще не знали об этом.

Первый секретарь обкома Н.В.Банников спросил, как я оценил "Сказку о Тройке", когда получил ее для публикации. Я ответил, что оценил произведение как антибюрократическую сатиру в области науки.

- А теперь как оцениваете? - задали мне вопрос в соответствии с намеченным сценарием.

- У меня не было времени изменить свое мнение, - ответил я.

Покаяние не состоялось, члены бюро были вынуждены начать обсуждение, которое длилось добрых полтора-два часа. Их вопросы казались мне странными, они явно гадали - где крамола, которую должны были непременно осудить. Похоже, что никто ничего не понял, хотя перед каждым лежал номер альманаха, исчерканный красным карандашом, - я это видел со своего лобного места. Придирки имели случайный, вымученный характер, иногда злобный, как у второго секретаря по фамилии Кацуба. Нелепая была ситуация: мы говорили на разных языках без переводчика, но с predetermined результатом. Ни до чего, естественно, не дотолковались, однако хоть внешне разговор наш выглядел прилично. Банников был до того вежлив, что всякий раз, задавая вопрос, вставал с места.

Легче задышалось лишь во время выступления Антипина: хоть один человек да понял эту "Сказку о Тройке". Не упустил ассоциации с особыми тройками тридцатых годов, не забыл про пионеров, приветствующих товарища Вунюкова, раскрыл нам глаза на то, что фамилия профессора Выбегалло содержит намек на наших выдвиженцев - мне это как-то в голову не пришло.

Кацуба предложил исключить меня из партии. Банников спросил:

- Вы прежде имели взыскания?

- Нет.

- Тогда предлагаю ограничиться строгим выговором с занесением в учетную карточку. Какой вуз окончили?

- Иркутский педагогический институт.

- Плохо изучали марксизм.

Черт возьми, ну при чем же здесь бедный марксизм? Ведь то, что происходило в этой большой полированной комнате, меньше всего напоминало собрание марксистов.

Вот доказательство:

"Бюро ОК отмечает, что в 1968 году на страницах 4 и 5 номеров литературно-художественного и общественно-политического альманаха "Ангара" опубликована идейно порочная, аполитичная повесть Стругацких "Сказка о Тройке".

Под предлогом фантастического сюжета, широко используя средства иносказания (аллегии), авторы повести в нарочито искаженном виде, субъективно и тенденциозно представляют советское общество, охаивают историю развития Советского государства, деятельность его учреждений, жизнь советских людей, строящих коммунизм.

Вместо сатирического изображения отдельных недостатков нашей жизни и показа конкретных носителей социального зла, еще встречающегося в нашей действительности, авторы обобщили и заострили это зло, не показав сил, которые успешно преодолевают трудности и недостатки на пути движения советского общества к коммунизму. Частные и преходящие отрицательные явления, отражающие процесс борьбы нового со старым в поступательном движении общества к коммунизму, приобрели несвойственные им всеобщность и фатальную неизбежность..."

Что называется, достойно скрижалей, но я поленился переписать бумагу от начала до конца, когда она была в руках. Да, поди, и не надо: достаточно.

После таких обвинений, сами понимаете, ни о каком помиловании и речи быть не могло. Было постановлено главному редактору альманаха "Ангара" объявить строгий выговор с занесением в учетную карточку и от работы освободить.

Я уходил избавленный от груза должности. Из обкома мы напрямик направились в ближайший ресторан, чтобы обсудить происшедшее. Через несколько минут прибежал собственный корреспондент "Комсомольской правды", присутствовавший на заседании бюро, поделился анекдотичной новостью:

- Ребята! Вы только вышли, а Банников спрашивает: "Чего это Марк Сергеев с бородой?" Ему говорят: "Нынче такая мода". А Банников: "Но он же коммунист!"

Посмеялись, но не очень весело. Чувствовалась какая-то всеобщая угнетенность. Причем удручены и угнетены мы были не суровостью примененных наказаний, а бессмысленностью всего, что случилось. Это было в чистом виде продолжение "Сказки о Тройке", не написанная Стругацкими ее иркутская глава, не менее страшная и в то же время нелепая...

Печатается с сокращениями.

Автор: Артур Скальский   © Восточно-Сибирская правда   ИСТОРИЯ , ИРКУТСК   👁 4842   02.08.2004, 01:48

URL: <https://babr24.com/?ADE=13742>   Bytes: 26244 / 26181   [Версия для печати](#)   [Скачать PDF](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [Джем](#)

- [ВКонтакте](#)

- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

